

В толпе. фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

В толпе. фёдор Сологуб

I

Древний и славный Город Мстиславль справлял семисотлетие со дня своего основания.

Это был город богатый, - промышленный и торговый. В нем самом и в его окрестностях построено было много фабрик и заводов, из которых иные славились на всю Россию. Население быстро возрастало, особенно в последние годы, и достигло внушительной цифры. Стояло много войска. Много жило рабочих, торговцев и чиновников, студентов и литераторов.

Думцы решили праздновать на славу день основания города. Пригласили властей, позвали Париж и Лондон, а также Чухлому и Медынь, и еще некоторые города, но с очень строгим выбором.

- Знаете, чтобы не лезли всякие, - объяснял городской голова, молодой человек купеческого происхождения в европейского образования, известный тонкой галантностью своего обхождения.

Потом как-то вспомнили, что надо же позвать также Москву и Вену. И этим двум городам послали приглашения, но когда уже оставалось до праздника всего только две недели.

Литераторы и студенты упрекали голову в такой неуместной забывчивости. Голова смущенно оправдывался:

- Захлопотался. Совсем из ума вон. Так много дела, - вы не поверите. Редко и дома ночую: все комиссия за комиссией.

Москва не обиделась, - свои, мол, люди, сочтемся, - и успела прислать депутацию с адресом. Веселая же Вена ограничилась открыткой с поздравлением. Открытка была художественно разрисована: голый мальчик в цилиндре сидел верхом на бочке и держал в поднятой руке бокал с пивом. Пиво пышно пенилось, мальчик весел и плутовато улыбался. Он был круглоголицый и румяный, и члены городской управы нашли, что улыбка его вполне прилична торжеству, - веселая, добронемецкая. И весь рисунок нашли очень сильным. Только не совсем согласны были в определении его стиля;

одни говорили: "модерн", другие "рококо".

В городе немощеном, пыльном, грязном и темном - в городе, где было много уличных скверных мальчишек и мало школ, - в городе, где бедные женщины, случалось, рожали на улицах, - в городе, где ломали старые стены знаменитой в истории крепости, чтобы добыть кирпича на постройку новых домов, - в городе, где по ночам на людных улицах бушевали хулиганы, а на окраинах беспрепятственно обворовывались жилища обывателей под громкие звуки трещоток в руках дремотных ночных сторожей, - в этом полудиком городе для съехавшихся отовсюду почетных гостей и властей устраивались торжества и пиршства, никому не нужные, и щедро тратили на эту пустую и глупую затею деньги, которых не хватало на школы и больницы.

И для простого народа, - нельзя же и без него обойтись, - готовились увеселения на городском выгоне, в местности, именуемой почему-то Опалихой. Строились балаганы, - один для народной драмы, другой для феерии, третий для цирка, - ставились американские горы, качели, мачты для лазания на приз. Скоморошьему деду купили новую бороду, кудельную, и обошлась она городу дороже шелковой, - уж очень художественно сделана.

Для раздачи народу изготовили подарки. Предполагали давать каждому кружку с городским гербом и узелок: платок с видом Мстиславля, и в нем пряники да орехи. И таких кружек да платков с пряниками и орехами подготовили много тысяч.

Заготовляли заблаговременно, - а потому пряники стали ко дню праздника черствые, а орехи - гнилые.

За неделю до дня, назначенного для народного праздника, на Опалихе поставили столы, и пивные буфеты, и две эстрады, - платную для публики и другую для почетных приглашенных.

Между буфетами оставили узкие проходы, чтобы за подарками к столам подходили по очереди и по одному человеку. Так придумал голова, для вящего порядка. Он был умный и рассудительный молодой человек.

Накануне праздника привезли подарки, сложили их в сарай и заперли.

Народ, заслышав про увеселения и про подарки, толпами шел со всех сторон к древнему и славному городу Мстиславлю, крестясь издали на золотые маковки его многочисленных церквей. Говорили, что подарки-то подарками, а что, кроме того, будут еще на Опалихе бить фонтаны из водки и пить водки можно будет сколько хочешь.

- Хоть опейся.

Многие приходили издалеча. И заранее. Уже накануне праздника на городских улицах шлялось много дальних пришельцев. Больше всего было крестьян, много было и фабричных рабочих. Были и мещане из соседних городов. Приходили, а кто и приезжал.

И вот уже несколько дней продолжалось празднование в городе. Веяли флаги на домах, висели гирлянды из зелени. Служились молебствия. Сделали парад войскам. Потом смотр пожарной команде. На торговой площади был базар, веселый и шумный.

Наехало много знатных посетителей, своих и заграничных, лиц чиновных и сановных, и много любопытных туристов. Местные жители толпами выходили на улицы и глазели на приезжих гостей. Знатные иностранцы были предметом особого внимания, не очень, впрочем, дружелюбного. Старались и нажиться: квартиры, пища, товары - все вздорожало.

Настал канун народного праздника. Город, как и все эти дни, горел праздничными огнями. В городском театре был назначен парадный спектакль, а после него - большой бал в губернаторском доме. А толпа валила на Опалиху. И надзора за ней не было. Раздача подарков назначена была с десяти часов утра, и городское начальство было уверено, что раньше раннего утра никто не пойдет на Опалиху. Но раньше раннего утра была ночь, и еще раньше был вечер. И с вечера стала толпа собираться на Опалиху, так что к полуночи перед салями, отделявшими площадь народного гуляния от городского выгона, стало тесно, шумно и тревожно.

Говорили, что собралось несколько сот тысяч. Даже полмиллиона.

II

На Никольской площади у самого обрыва стоял домик Удоевых. Над обрывом разбит был сад, и из него открывался великолепный вид на нижние части города. Заречье и Торговый конец, и на окрестности.

С высоты все очищалось и казалось маленьким, красивым и нарядным. Мелкая, грязная Сафат-река отсюда являлась узкой лентой переменчивой окраски. Дома и торговые ряды стояли игрушечные, экипажи и люди двигались мирно, тихо, бесшумно и бесцельно, пыль вздымалась легкая, еле видная, и тяжкие ломовые грохоты доносились наверх едва слышной музыкой подземелья.

Против дома Удоевых, через площадь - казначейство, окрашенное охрой, унылое двухэтажное здание. Там служил глава семьи, статский советник Матвей Федорович Удоев.

Забор около дома Удоевых был серенький и прочный, беседка в саду стояла такая милая и уютная, сирень благоухала, плодовые деревья и ягодные кусты обещали что-то радостное и сладостное, - хозяйствственно, основательно устроилась семья старого и почтенного чиновника.

Дети Удоева, пятнадцатилетний гимназист Леша и его две сестры, Надя и Катя, девицы двадцати и восемнадцати лет, тоже собирались идти на Опалиху, на праздник.

В толпе. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Оттого они были так веселы и так радостно волновались.

Леша был белый, смешливый и прилежный мальчик. Особых, ярких примет он не имел: учителя в гимназии часто смешивали его с другим, тоже белолицым и скромным гимназистом. Девицы тоже были скромные, веселые и добрые. Старшая, Надя, была поживее, непоседлива и порой даже шаловлива. Младшая, Катя, была совсем тихоня, любила помолиться, особенно в монастыре, и очень легко переходила от смеха к слезам и от плача к смеху, - и обидеть ее было легко, и утешить, и насмешить - нетрудно.

И мальчику, и девицам очень хотелось достать по кружке. Они еще заранее выпросились у родителей - идти на Опалиху.

Отпускали их на Опалиху неохотно. Мать ворчала. Отец молчал. Ему было все равно. Впрочем, тоже не нравилось.

Матвей Федорович Удоев был молчаливый, высокий, рябой и равнодушный человек. Пил водку, но в умеренном количестве, и почти никогда не спорил с домашними. Домашняя жизнь шла мимо него. Как и вся жизнь...

Проходила мимо, как облака, пролетающие и тающие на пронизанном солнечными светами небе... Мимо, как неутомимо шагающий странник, мимо ненужных ему зданий... Как ветер, веющий из страны далекой... Мимо, мимо, все мимо...

III

Леша и обе сестры стояли у ворот и смотрели на прохожих. Было шумно и людно. Шли люди, нарядившиеся, и видно, что чужие. Шли больше в одну сторону - к Опалихе. Гул среди толпы наводил на детей смутную тревогу.

Подошли соседи, Шуткины: молодой человек, мальчик и две девушки. Перебросились несколькими незначительными словами, как часто встречающиеся и привыкшие друг к другу люди.

- Идете? - спросил старший Шуткин.

- Идем, утром! - ответил ему Леша. Надя и Катя улыбнулись, радостно и слегка смущенно. Шуткины чему-то засмеялись. Переглянулись. Пошли к себе домой.

- Они хотят раньше нас идти, - догадалась Надя.

- Ну и пусть, - сказала Катя и опечалилась.

Дом Шуткиных стоял рядом с усадьбой Удоевых. Выделялся своим неряшливым и ветхим видом.

Молодые Шуткины были все порядочные сорванцы и шалопаи. Пускались на дерзкие шалости. Подбивали порой и детей Удоевых на шалости, и нередко довольно крупные.

Шуткины были смуглые, черноволосые, как цыганы. Старший брат служил письмоводителем у мирового судьи. Лихо играл на балалайке. Сестры, Елена и Наталья, любили петь и плясать. Делали это с большим одушевлением. Младший брат Костя был отчаянный озорник. Учился в городском училище. Не раз грозили выгнать его оттуда. Пока еще держался кое-как.

Удоевы вернулись домой. Было неловкое и тревожное настроение. Не сиделось на месте.

Уже решили идти рано утром. Но сборы начались с раннего вечера. И чем ниже клонилось усталое солнце, тем сильнее нарастало беспокойство и нетерпение детей. Все выбегали к воротам, посмотреть, послушать, поболтать с соседями, с прохожими.

Больше всех беспокоилась Надя. Она очень боялась, что опоздают. Досадливо говорила брату и сестре:

- Вы проспите, непременно проспите, уж я это предчувствую. И нервно поламывала тонкие, хрупкие пальцы, что у нее всегда служило признаком сильной

в толпе. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
взволнованности.

В ответ ей Катя спокойно улыбалась и уверенно говорила:

- Ничего, не опоздаем.
- Надо же и спать, - лениво сказал Леша.

И вдруг ему стало лень, и он подумал, что неприятно и ни к чему рано вставать, и не захотелось идти. Надя быстро и горячо возражала:

- Вот еще! Спать. Ничего не надо спать. Я совсем сегодня не буду спать.
- И ужинать не будешь? - поддразнивающим голосом спрашивал Леша.

И вдруг всем им стало казаться, что нарочно долго не дают ужина, и забеспокоились. Часто смотрели на часы. Приставали к отцу.

Надя ворчала:

- Что это, сегодня, как нарочно, часы у нас отстают. Ужинать давно пора. Этак немудрено и проспать завтра, если за полночь ужинать не дают.

Отец угрюмо говорил:

- Ну, чего пристаете? То один, то другой.

И смотрел на детей не различающим взором, словно он видел в них только то, что их трое. Равнодушно вынимал часы и показывал. Было еще совсем рано. Никогда так рано не собирались ужинать.

Между тем в дом к Удоевым с разных сторон приходили вести о том, что на Опалиху уже собираются, - идут толпами, - что там уже толпа, - целый лагерь, с ночлегами и чуть ли даже не с палатками. И уже начали догадываться дети, что утром поздно будет идти на Опалиху, - уже тогда не добраться будет. И от этого настроение в доме Удоевых делалось тревожным не в меру.

Мимо дома Удоевых шли. Все больше и больше народа проходило. В толпе были и плохо одетые. Было много мальчишек. Было шумно, весело и празднично.

IV

У ворот дома Удоевых остановилось несколько человек. Слышался оживленный говор, спор, смех.

Леша и сестры опять выбежали за ворота.

Стояли кучкой несколько мужиков и баб. С ними несколько мещан из здешних. Разговаривали громко, недружелюбным тоном, словно переругивались.

Пожилая бойкая мещанка с остреньким и хитрым лицом, одетая в ситцевое платье, яркое от праздничной нарядности и шумящее от накрахмаленной новизны, с розовым платочком на масляно причесанной голове, говорила высокому, степенному крестьянину:

- Да вы бы на постоялом остановились. Старик крестьянин отвечал неторопливо и вдумчиво, словно подыскивая точные слова для выражения значительной и глубокой мысли:

- Дерут больно ваши дворники. Дерут, слышь. Никак, значит, ты с ними не сообразишься. Обрадовались. Креста на вороту нет у людей. Дорвались, слышь, до добычи. Дерут больно. Разбогатеть, знатко, охота.

Добродушный паренек, белолицый и светлоголовый, с вечной улыбкой на пухлых губах и с кроткими ясно-голубыми глазами, сказал:

- Есть добрые люди, что и даром пускают.

На него все посмотрели насмешливо. Заговорили:

- Есть, да не здесь.
- Поищи-ка таких, да и нам скажи.

Смеялись, почему-то злорадно, хотя, по-видимому, для злорадства не было никакого основания. Паренек ухмылялся, поглядывал вокруг невинными глазами и уверял:

- А меня пустили. Правда. Одна тут пустила.
- Гладок ты больно, - сказал рыжий и корявый мужик.

Подошли две сестры Шуткины, Елена и Наталья, во всем похожие очень одна на другую, так что странно было смотреть, что одна из них рыжая, а другая черноволосая, и их старший брат. Слушали и лукаво улыбались, и почему-то казалось сегодня, что улыбки у них скверные и сами они нечистые.

Подмаргивая сестрам Удоевым, старший Шуткин сказал:

- Рано вставать будете завтра?
- Да, - живо заговорил Леша, - встанем пораньше, до восхода, раньше всех придем. И вдруг вспомнил, что никак невозможно прийти раньше всех, и стало досадно.
- Ну да, встанете, где вам! - сказал Шуткин. Сестры его смеялись нагло и лукаво. И непонятно было, зачем и почему они смеются. Старший Шуткин сказал:
- Что рано ходить! Это выйдет, как мы в прошлом году в монастырь ходили к заутрене.
- Вот то была потеха! - с хохотом крикнула Елена. И видно было, что и ей, и ее рыжей сестре все равно было, над

чем смеяться, и вовсе не казалось странным и непристойным

издеваться над собой же Шуткин рассказывал:

- Это еще в прошлом году было. Легли мы рано, без огня. Выспались, встали. Часов у нас в те времена не было, они в ученье залежались по той простой причине, что у нас тогда было превышение расходов над доходами, и была необходимость прибегнуть к выпуску облигаций внешнего двенадцатипроцентного займа. Ну вот, мы и пошли. Пошли, пошли да и пришли. Видим, еще заперто все. Думаем, еще рано пришли. Сели мы на скамейку у врат обители святой. Сторож к нам подошел, спрашивает этак с довольно натуральным удивлением: - Вы что тут расселись? Ай дома, говорит, скучно стало? - А мы говорим ему очень даже непринужденно, - к заутрени, говорим, пришли; монахи-то ваши, говорим, разоспались сегодня. А он нам: Эк вас, говорит, принесло ни свет ни заря! - да ведь еще только одиннадцать часов недавно было. Неужели, говорит, дожидаться будете? Пошли бы, говорит, домой. Ну, мы послушались разумного совета, пошли себе к дому. Было смеху.

И Шуткины, и Удоевы смеялись.

В это время прибежал, запыхавшийся и потный, младший Шуткин, Костя. Радостно кричал:

- Я уже слетал на Опалиху.
- Ну что? Как? - спрашивали его и свои и Удоевы. Костя с радостным хохотом говорил:
- Мужичья привалило видимо-невидимо. Все поле чисто запрудили.
- Вот чудаки-то! - с досадливым смехом сказал Леша. - Ведь в десять часов раздача начнется, а они с вечера пошли. Старший Шуткин засмеялся, подмигнул сестрам.

- Кто вам это сказал? - крикнул он. - Начало в два часа будет, чтобы заморские гости успели посмотреть. Они рано не привыкли ложиться. И встают поздно.

- Нет, это неправда, в десять начало, - горячо возражал Леша.

- Нет, в два, в два, - в голос закричали все Шуткины. И по их наглому смеху и переглядыванию сразу было видно, что они лгут.

- Ну, я сейчас верно узнаю, - сказал Леша. Сбежал к секретарю городской управы, - его дом был недалеко. Вернулся ликующий. Кричал издали:

- В десять.

Шуткины посмеивались и уже не спорили.

- Да это вы нарочно придумали, - сказал Леша, - чтобы уйти пораньше, без нас. Ишь вы какие!

Оживленно пробежал гимназист Пахомов, тонкий и вертлявый мальчик. Наскоро поздоровался с Удоевыми. Шуткины смотрели на него недружелюбно.

- Ну что, идете? - спросил он и, не дожидаясь ответа, сказал: - Мы с вечера. Многие с вечера идут.

Торопливо простился. Глянул на Шуткиных, хотел было поклониться, но передумал и убежал. Шуткины злобно смотрели за ним. Смеялись. Удоевым неприятно странен казался их смех, - к чему он?

- Чистоплюйчик! - презрительно сказал Костя. Елена злобно и громко сказала:

- Хвастунишка. Где ему! Врет.

Вечер был такой тихий и прекрасный, что не нужно грубые слова Шуткиных звучали особенно режущим разладом.

Солнце только что зашло. На облаках еще отражался пламенный отблеск его прощальных, его багряно-мертвых лучей.

Такой прекрасный, такой мирный был вечер... А жгучий яд мертвого Змия еще струился над землей.

У

Удоевы вернулись домой. Было жутко и неловко, и не знали, что с собой делать. Из-за всякого пустяка вспыхивали ссоры и споры. Непоседливость обуяла всех.

И Леша сделался вдруг беспокойным и тревожным, как Надя.

- Придем к шапочному разбору, - громко и досадливо сказал он.

Как часто бывает, эти незначительные слова решили дело. Надя сказала:

- Так пойдемте лучше с вечера.

И с ней все согласились и вдруг зарадовались.

Весь вдруг покраснев, Леша кричал:

- Конечно, уж если идти, так теперь. Побежали все трое к отцу, спрашиваться.

- Мы передумали, пойдем с вечера! - кричала Надя, вертясь перед отцом.

Отец угрюмо молчал.

- Ночь-то одну не поспать, - не беда, - говорил Леша, словно стараясь убедить в чем-то отца.

В толпе. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Но отец продолжал молчать, и лицо его было по-прежнему неподвижно-угрюмо.

Дети оставили его. Побежали к матери. Мать заворчала.

- Папа позволил, - кричал Леша. И сестры смеялись, и болтали весело, звонко. С радостным визгом бегали все трое по дому, по саду. Торопили ужин.

Вспомнили о Шуткиных. Почему-то досадно было воспоминание о них. Леша сказал сестрам:

- Только Шуткиным ни гугу. Сестры согласились.

- Само собой, - сказала Надя, - ну их! Катя нахмурилась, протянула:

- Такие противные!

И сейчас опять радостно засмеялась.

За ужином дети ели торопливо, и не хотелось есть, и досадно было, что старики так копаются, как будто и нет ничего особенного.

Когда уже кончали ужин, отец вдруг уставился на детей и долго смотрел на них, так долго, что они присмирели под его угрюмо-равнодушным взглядом, и наконец сказал:

- С пьяными толкаться, - большое удовольствие. Надя быстро покраснела и принялась уверять:

- Да нет пьяных. Никаких нигде нет пьяных. Право, даже странно, а только около нашего дома сегодня весь день совсем не видно было пьяных. Так что даже удивительно.

Катя весело засмеялась и сказала:

- Только о подарках и думают, и пить не хотят. Не до того. Наконец кончился ужин.

Побежали - одеваться. Девицы хотели было принарядиться по-праздничному. Но мать решительно воссталла.

- Куда? Зачем? С мужиками толкаться? - сердито говорила она.

И видно было по всей ее внезапно насторожившейся фигуре и по ее серому, незначительному лицу, что она ни за что не допустит порчи праздничного платья.

Пришлось девицам надеть наряд попроще.

Наконец выбрались из дома. Побежали по крутым съездам к реке. И вдруг, едва спустились, увидели Шуткиных.

Пришлось идти вместе. Было досадно.

Досадно было и Шуткиным. Ни те, ни другие не придут раньше. Потерян случай похвастаться, подразнить.

Шуткины придумывали разные насмешки над Удоевыми. Несколько раз по дороге чуть не поссорились.

Вечер был как день, оживленный и шумный.

Над городом тихо мерцали звезды, как всегда, такие далекие, такие незаметные для рассеянного взгляда, и такие близкие, когда вглядишься в их голубые околицы.

Ясное бледное небо быстро темнело, и радостно было смотреть на неизменно совершающееся в нем таинство открывающей далекие миры ночи.

В монастыре звонили, -отходила всенощная. Светлые и печальные звуки медленно разливались по земле. Слушая их, хотелось петь, и плакать, и идти куда-то.

И небо заслушалось, заслушалось медного светлого плача, - нежное умиленное небо. Заслушались, тая, и тихие тучки, заслушались медного гулкого плача, - тихие, легкие тучки.

И воздух струился разнеженно-тепел, как от множества радостных дыханий. Приникла и к детям умиленная нежность высокого неба и тихо тающих тучек. И вдруг все окрест, и колокольный плач, и небо, и люди, - на миг все затлелось и стало музыкой.

Все стало музыкой на миг, - но отгорел миг, и стали снова предметы и обманы предметного мира.

Дети торопились из города, туда, на долину Опалихи.

А в городе людно было и шумно, и казалось, что весело. Над домами веяли флаги. На улицах горели праздничные огни, - и от этого кое-где пахло противным салом.

Толпы ходили по улицам, по съездам, по набережной реки Сафат. Шныряли и смеялись в толпе дети. И все было звонко и весело, как в сказке и как не бывает в жизни, обычной и серой. И от этого, вся насквозь закутанная общим гулом, людская мольва казалась звучащей и вдруг сбыточной.

Проезжали экипажи с почетными гостями, и улыбались толпе любезные липа важных господ и госпож.

Слышался из экипажей тихий, невнятный, чуждый говор и легкий смех.

Враждебными глазами глядили на проезжающих богатых господ Шуткины. И злые и глупые у них рождались мысли.

И уже когда выходили из города, старший Шуткин, глупо скаля зубы, сказал:

- Ловко бы теперь подпалить город. Иметь свою приятность, я вам доложу.

Его сестры и Костя захочотали. Катя дрогнула, передернула плечиками, воскликнула тревожно:

- Что вы, как можно? Какие вы страхи говорите!
- То-то была бы суматоха, - восхищался Костя, прыгая и визжа.
- Да ведь и вы погорели бы, - с удивлением сказала Надя, - что ж вам радоваться!
- Ну вот, - возразила Наталья, - чему у нас гореть-то! Не жалко.

Надя посмотрела на нее. В слабом отблеске дымных праздничных плошек ее веснушчатое лицо и рыжие волосы являлись пламенеющими, и оттого что ее ноздри трепетали, казалось, что по лицу бежит огонь.

VI

До Опалихи добежали быстро, подгоняемые лихорадочно-радостным волнением.

Еще издали доносился смутный и грозный гул людского множества. Наводил жуткий и сладкий страх. В набегающей с порывами ночного ветра тьме они бежали. С ними, то перегоняя, то отставая, шли, торопились люди. Большие и малые. Мужчины, женщины, дети и старики. Больше молодежь. И все были так же взволнованы, и голоса звучали неровно, и смех поднимался и вдруг затихал.

За поворотом дороги вся долина Опалихи открылась разом темная, жутко-шумная, тревожная.

Кое-где горели костры, на окраине Опалихи, - и от этого поле казалось еще более темным.

Видны были огни костров и дальше. Но видно было, как они один за другим дымно гаснут вдали дымно-шумного поля. Должно быть, толпа гасила их ногами, топтала

В толпе. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
грубыми сапогами их внезапные, пламенно-стремящиеся души.

И еще более жуткий, и еще более сладкий страх охватил Удоевых, затрепетал за их дрогнувшими плечами. Но они храбрились.

Шуткиных радовало, что будет давка, беспорядок, смятение и потом можно будет долго рассказывать любопытные и значительные подробности разных происшествий.

Старший Шуткин смотрел на шумное темное поле, глупо ухмылялся и говорил с непонятной радостью:

- Бесприменно кого-нибудь из слабеньких раздавят. Вот уж вы увидите.

Но не смели Удоевы поверить в близость несчастья и смерти. Это поле, где шумное множество, - и смерть. Не может быть.

- Да уж не без того, что раздавят, - странно-незнакомым голосом сказала одна из сестер Шуткиных.

И кто-то засмеялся грубо и невесело темным в темноте смехом.

- Ну да! - равнодушно сказала Катя.

Стало на минуту скучно. Оттого что темно. От мгновенных и неверных озарений костров. И стали смотреть, и слушать, и пошли вперед, куда-нибудь.

По озаренным кострами лицам, - по большей части очень молодым, - по беззаботным голосам и смеху казалось, что всем очень весело.

По всему полю ходили, стояли, сидели шумные множества людей.

Втягиваясь все более в это смутное многолюдство, Удоевы заразились опять веселостью и бодростью толпы, оставившей привычные людские кровь и стены.

Стало весело. Слишком весело.

Шуткины отошли куда-то и уже не встречались больше. Но зато Удоевы встречали других знакомых. Многих видели. Перекидывались веселыми разговорами. Сходились и опять расходились в толпе.

Шли вперед, а может быть, в сторону, и поле казалось бесконечным. И казалось так занимательно, что попадаются все иные лица.

- Да тут превесело. И не заметишь, как ночь пройдет, - говорила Надя, нервно позевывая и поеживаясь тоненькими плечиками.

И долго шли, останавливаясь, опять шли, путались среди костров, заслушивались чужих разговоров, сами разговаривали совсем с чужими людьми.

Сначала казалось, что идут к какой-то цели, - все ближе к ней, и все было определено и связно, хотя и тонуло в сладкой жуткости многолюдства.

Потом вдруг все стало отрывочным, потеряло связность, и какие-то клочки ненужных и странных впечатлений зароились вокруг...

VII

Все стало отрывочно и несвязно, и казалось, что предметы, нелепые и ненужные, возникали из ничего. Из глупой и враждебной тьмы возникало неожиданно нелепое.

Посреди поля была когда-то для чего-то вырыта канава. Оставалась она и теперь, ненужная, безопасная, поросшая черной в темноте, колючей травой, - и казалась почему-то страшной и странно-значительной.

Дети подошли к ее краю. Два телеграфиста сидели, свесив ноги в канаву, и разговаривали. Вспоминали знакомых барышень и почему-то произносили, с большим удовольствием, непечатные слова.

В толпе. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Удоевы пошли по краю канавы. Увидели мост через нее, дощатый, с корявыми
перилами. Пошли по мосту. Перила казались непрочными, неверными.

Леша сказал опасливо:

- Сюда столкнут, ноги поломаешь.
- А мы подальше уйдем, - сказала Надя.

В темноте голос ее звучал неуверенно и робко. Странно было, что нельзя видеть, как движутся говорящие губы.

И опять шли дальше, среди гулкого множества, переходя из озаренных кострами кругов в кромешную тьму, - и опять поле казалось бесконечным.

- Ну и куда ты идешь? - говорил убеждающим голосом один пьяненький оборвыш другому. - Задавят тебя, как клопа постельного.

- Пусть давят, - отвечал его товарищ, - жизни мне разве жалко? Задавят, плакать обо мне будет некому.

Увидели колодец. Он был прикрыт полусгнившими досками. Слабо удивились почему-то.

Пьяненький мужичок, мотая взъерошенной длинной головой, заглядывал в колодец и тянулся:

- И-их.

Отбегал от колодца, вскрикивал:

- Маланья!

И опять возвращался к ветхому срубу мелкими падающими шагами пьяного человека.

Поглядели. Посмеялись. Прошли. Долго еще слышали его пьяные вскрики.

- Я нож припас, - хриплым голосом сказал длинный и тощий оборванец.

Его товарищ, такой же оборванный и почти такой же длинный, ответил сладким тенорком:

-И я.

- На всякий случай, - опять послышался хриплый голос первого.

И слышно было, как хихикает другой.

В зыбкой темноте, в нервно-трепетном озарении костров, вдыхая сладковатый дым сырого дерева, шли дети куда-то, Леша вперед, за ним обе сестры.

Притворялись, что не страшно. Опять поле казалось бесконечным, опять путали костры, а по усталости в ногах думали, что идут уже давно.

- Колесим вокруг да около, - сказал Леша. И этими словами сказалась общая мысль. Катя стало грустно, а Надя притворно весело сказала:

- Ничего, дойдем, куда надо.

Вдруг Леша упал. Ноги мелькнули вверх, головы не видно. Сестры бросились к нему. Помогли выбраться, - оказалось, что он попал руками и головой в какую-то неожиданную яму.

- Надо подальше от этого места, здесь опасно, - сказала Надя. Но и потом не раз спотыкались на неровностях почвы.

В толпе. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
- и баре туда же, - послышался возле Удоевых гнусный тенорок.

Не видно было, кто говорит и кто смеется, сочувствуя злым словам.

И поняли дети, что здесь вся толпа насквозь была враждебная, чужая, непонятная и непонимающая. И там, где горели костры, были видны липы, которые сердито хмурились, глядя на гимназиста и его сестер.

Эти враждебные взоры смущали детей. Непонятно было, за что вражда? Откуда она выросла?

Какие-то чужие люди хмуро, неприветливо смотрели на проходящих мимо детей.

Порой слышались циничные шутки. И так как это было среди громадной толпы и никто не думал заступиться, то детям становилось страшно.

Пьяный мастеровой встал от костра, подошел к детям.

- Мамзель! - воскликнул он. - Со свиданием имею честь поздравить. Очень приятно. И всякое можем удовольствие доставить вам. Желаем поцеловаться.

Он покачнулся. Снял картуз. Облапил Катю. Поцеловал прямо в губы. Грохочущий хохот раздался в толпе. Катя заплакала.

Леша крикнул что-то, бросился на пьяного и оттолкнул его.

Пьяный свирепо заворчал:

- По какому праву? Толкаться? А ежели я желаю поцеловать? Какое в этом есть неудовольствие? Сестры схватили Лешу за руки. Быстро увлекли в темноту. Были очень испуганы. Обида жгла томительно.

Захотелось уйти из этого темного и нечистого места. Но не могли найти дорогу. Опять огни костров путали, ослепляли глаза, являли мрак чернее мрака и делали все непонятным и разорванным.

Скоро костры стали гаснуть. И стало равно темно в воздухе, - и черная ночь приникла к гулкому полю, и отяжелела над его шумами и голосами. Оттого что не спали и были в толпе, казалось, что эта ночь - значительная, единственная и последняя.

IX

Еще не долго побывли, и уже стало противно, тошно, страшно. В темноте творилась для чего-то ненужная, неуместная и потому поганая жизнь. Бес покровные люди, далекие от своих уютов, опьянялись диким воздухом кромешной ночи.

Они принесли с собой скверную водку и тяжелое пиво, и пили всю ночь, и горланили хрипло-пьяными голосами. Ели вонючие снеди. Пели непристойные песни. Плясали бесстыдно. Хохотали. То там, то здесь слышалась нелепая мышиная возня. Гармоника гнусно визжала.

Пахло везде скверно, и все было противно, темно и страшно. И ухе повсюду голоса раздавались хмельные и хриплые. Кое-где обнимались мужчины с женщинами. Под одним кустом торчали две пары ног, и слышался из-под куста прерывистый, противный визг удовлетворяющей страсти.

Кое-где, на немногих свободных местах собирались кружки. Внутри что-то делалось.

Какие-то противные, грязные мальчишки откалывали "казачка". В другом кружке пьяная безносая баба неистово плясала и бесстыдно махала юбкой, грязной и рваной. Потом запела отвратительным, гнусным голосом. Слова ее песни были так же бесстыдны, как и ее страшное лицо, как и ее ужасная пляска.

- Зачем у тебя нож? - строго спрашивал кого-то городовой.

- Человек я рабочий, - слышался наглый голос, - инструмент захватил по нечайности. Могу и пырнуть.

Хохот раздался.

И вот, в этой противной толпе, брошенные в гнусный разгул не в пору разбуженной жизни, шли дети и терялись в многолюдстве. Поле оказалось бесконечным, потому что они кружили на небольшом пространстве.

Проходить становилось все труднее, — все теснее делалось вокруг.

Казалось, что встают и встают окрест неведомо откуда взявшиеся люди.

И вдруг вокруг Удоевых сдвинулась толпа. Стало тесно. И сразу показалось, что по земле стелется и ползет к лицу тяжкая духота.

А с темного неба темная и странная струилась прохлада. Хотелось глядеть вверх, на бездонное небо, на прохладные звезды.

Леша привалился к Надиному плечу. Мгновенный сон охватил его...

...Летит в синем небе, легкий, как вольная птица...

Толкнул кто-то. Леша проснулся. Сонным голосом сказал:

— А я чуть не заснул. Что-то даже видел во сне.

— Уж ты не спи, — озабоченно сказала Надя, — еще растеряемся в толпе.

— А я бы заснула, — тихо и жалобно сказала Катя.

— Право, как бы не растеряться, — говорила Надя. Старалась подбодриться. Заговорила живо:

— Лешу поставим в середине.

— Ну да, — сказал Леша вяло.

Он был бледен и странно скучен.

Но сестры поставили его между собой. Развлекались тем, что оберегали его от толчков. Пока толпа не нарушила их порядка, смятенно толкая их во все стороны.

— Мы пришли, теперь бы и раздавать, — послышался странно веселый и равнодушный голос. И кто-то отвечал:

— Погоди, — уже утром господа приложают, которые к раздаче приставлены.

Х

Было тесно и душно, хотелось выбраться из толпы, на простор, вздохнуть всей грудью.

Но не могли выбраться. Запутались в толпе, темной и безликой, — как челнок запутался в тростнике.

Уже нельзя было выбирать дорогу, повернуть по воле туда или сюда. Приходилось влечься вместе с толпой, — и тяжки, и медленны были движения толпы.

Удоевы медленно двигались куда-то. Думали, что идут вперед, потому что все шли туда же. Но потом вдруг толпа тяжко и медленно пятилась. Или медленно влеклась в сторону. И тогда уже совсем непонятно стало, куда надо идти, где цель и где выход.

Завидели близко, немного в стороне, темные стены. К ним почему-то захотелось выбраться. Что-то знакомое, домашнее почудилось в них.

Ничего не сказали друг другу, но стали протискиваться к этим темным стенам.

И скоро стояли около одного из народных театров.

Казалось, что около стены есть что-то знакомое, защитное, - уют какой-то, - и потому не так было страшно.

Темный верх стены подымался, закрывал половину неба, и от этого терялось жуткое впечатление стихийно-безбрежной толпы.

Дети стояли, прижавшись к стене. Робко смотрели на серые, тусклые облики людей, которые колыхались так близко. И жарко было от дыханий близкого множества.

А с неба холодная проникала порывами прохлада, и казалось, что душный земной воздух борется с небесной прохладой.

- Идти бы лучше домой, - жалобно сказала Катя. - Все равно не протолкаться.

- Ничего, подождем, - ответил Леша, стараясь казаться бодрым и веселым.

В это время тяжкое по толпе прошло движение, - точно протискивался кто-то к стене, прямо на детей. Их прижали к стене, - и совсем стало душно и тяжело дышать.

Потом толпа с усилием раздалась, и казалось, что стена дрожит и колеблется, - и из толпы словно вынырнули два очень бледные студента с ношей.

Несли девочку, и она казалась неживой. Бледные руки ее свесивались, как мертвые, и на лице с тесно скатыми губами и с закрытыми глазами лежала тусклая синева.

В толпе послышался ропящий говор:

- Слабенькая, а лезет.

- Чего родители смотрят, - пустили какую!

В смущенном переговаривании толпы слышалось желание оправдать что-то недолжное, - и казалось, что эти люди на миг поняли, что не надо им быть здесь и теснить друг друга.

XI

Опять грубо и тяжко задвигалась толпа. Тяжелые толчки мучительно отдавались в теле. Грубые сапоги наступали на легко обутые детские ноги.

Не устоять было у стены. Оттолкали, оттерли. Сдавили тесным кольцом. Опять стало страшно в душном многолюдстве.

Головы детей с усилием подымались вверх, и уста их жадно ловили перемежающиеся струи небесной прохлады, меж тем как груди их задыхались в глухой и непонятной давке.

Не то двигались куда-то, не то стояли. И уже стало непонятно, много ли прошло времени.

Мучительная жажда простора томила детей.

И жажда.

Она медленно, уже давно, подкрадывалась. Вдруг сказалась жалкими словами.

- Пить хочется, - сказал Леша.

И говоря это, он почувствовал, что уже губы его давно сухи и во рту неловко и томительно от сухости.

- Да и мне тоже, - сказала Катя, с усилием двигая запекшимися и побледневшими губами.

Надя молчала. Но по ее побледневшему и вдруг осунувшемуся лицу и по ее сухо горящим глазам было видно, что и ее мучит жажда.

Пить. Хоть глоточек бы воды. Вода, святая, милая, прохладная, свежая.

Но негде было взять воды.

И прохлада с далекого неба становилась все мгновенное, зыбкая, неверная, — пахнет в жадно раскрытые рты и сгорает.

Надя икнула. Легонько дрогнула. Опять икнула, и опять, и опять.

Не удержаться. Такая мучительная в тесноте и духоте икота!

Леша испуганно посмотрел на Надю. Какая она бледная!

— Господи, — сказала Надя, икая. — Какая мука! Охота была идти.

Катя заплакала тихонько. Быстрые мелкие слезинки бегут одна за другой, — и не унять слез, и не отереть, — рук не поднять, так сдавили.

— Что вы толкаетесь! — пищал где-то близко тоненький голосок. — Вы меня давите.

Хриплый, пьяный бас отвечал злобно:

— Что? Я тебя давлю? А тебе такая церемония не нравится? Ну, ты меня дави. Тут все равны, черт тебя дери.

— Ай, ай, давят, — завизжал опять тот же тоненький голосок.

— Не визжи, сопляк, — хрипел свирепый бас. — Уже придишь домой, аль приволокут. А и быть тебе, щенок, без кишок.

Через короткое мгновение тонкий и резкий пронесся визг, без слов, жалобный и жалкий. И в ответ ему свирепый скрип:

— Не визжи.

Потом задавленный тонкий вопль.

Кто-то вскрикнул:

— Младенца задавили! Косточки хрустят. Царица небесная!

— Косточки, косточки хрустнули! — завизжала баба.

Голос ее слышался близко, но ее за толпой не было видно.

И потом показалось, что она кричит где-то очень далеко. Оттолкали ее от этого места? Или она задохнулась?

Дети были так сдавлены толпой, что трудно было дышать. Переговаривались хриплым шепотом. Не повернуться. С трудом могут посмотреть друг на друга.

И страшно смотреть друг на друга, на милые лица, омраченные свинцовыми в тусклом предрассветном сумраке страхом.

Надя продолжала икать, икнула и Катя.

Чувствовалось окрест, во всей этой, так страшно и так нелепо сжатой толпе, одно желание мучительное, и потому еще не осознанное, и потому еще более мучительное: освободиться от этих страшных тисков.

Но не было выхода, — и бешенство закипало в безумной толпе, нелепо сдавленной по своей воле в этом широком поле, под этим широким небом.

Люди зверели и со звериной злобой смотрели на детей.

Слышались хриплые, страшные речи. Говорил кто-то близкий и равнодушный, — так странно спокойный, — что уже есть задавленные до смерти.

- Упокойничек-то стоит, так его и сжало, - слышался где-то близко жалобный шепот, - сам весь синий, страшный такой, а голова-то мотается.
- Слышишь, Надя? -? спросила шепотом Катя. - Вон, говорят, мертвый стоит, задавленный.
- Врут, должно быть, - шепнула Надя, - просто в обмороке.
- А может быть, и правда? - сказал Леша. И страх слышался в его хриплом голосе.
- Не может быть, - спорила Надя, - мертвый упал бы.
- Да некуда, - отвечал Леша. Надя замолчала. Опять икота начала мучить ее. Седая косматая старуха, махая над головой руками, словно плывя, вылезла из толпы прямо на Удоевых. Вопя неистово, она протолкалась мимо них, и было так тесно и тяжело, что казалось, что она проходит насеквоздь, как гвоздь.

Ее неистовый вопль, ее мучительное появление в бледно-мутной предрассветной мгле были, как призрак тяжелого сна. И с этого времени уже все в сознании задыхающихся детей было истомой и бредом.

XII

Наконец, после ночи томительной и страшной, стало быстро светать.

Быстрая, радостная, детски веселая, запылала, засмеялась смехами розовых тучек заря. Золотые в мглистой дали вспыхнули блестки. И пока еще земля была темна и сурова, уже небо все подыхало радостью, всемирной радостью вечного торжества. И люди, - что же люди! Все еще только люди!..

Между темной, такой гречной, такой обремененной землей я озаренным вновь блаженным небом простерся густой пар от дыханий великого множества людей.

Ночная прохлада, свиваясь в золотые небесные сны, сгорала в легких тучах, в заревых лучах.

А толпа, так странно, так неожиданно озаренная сверху безмятежным заревым смехом, - эта громадная земная толпа насеквоздь пронизана была злобой и страхом.

Тяжко двигалась, стремясь вперед, - и вновь приходящие из города тупо я злобно теснили стоявших впереди вперед, к саарам с подарками.

Под вечным золотом зари тусклое олово бедных кружек влекло людей в смятение и тесноту.

В истоме и бреду тяжкие, медленные мысли теснились в сознании детей, в темное сознание задыхающихся, и каждая мысль была страхом и тоской. Жестокая надвигалась погибель. Своя погибель. Погибель милых. И чья больнее?

Словно просыпаясь порой, принимались кричать, и жаловаться, и просить.

Хриплые голоса их слабо взлетали, - раненой птицей с поломанным крылом, - и жалко падали и тонули в глухом гуле тупой толпы.

Тускло-суральные взоры угрюмых людей были им ответом.

Тоска теснила дыхание, нашептывала злые, безнадежные слова.

И уже не было надежды уйти. Люди были злы. И злы и слабы. Не могли спасти, не могли спастись.

Мольбы слышались повсюду, вопли, стоны - напрасные мольбы.

И кого можно было умолить здесь, в этой толпе?

Уже как будто не люди, - казалось задыхающимся детям, что свирепые демоны угрюмо смотрят и беззвучно хохочут из-за людских сползающих, истлевших личин.

И дьявольский мучительно длился маскарад. И казалось, - не будет ему конца, - не будет конца кипению этого сатанинского котла.

XIII

Стремительно встало солнце, радостно возбужденный, злой Дракон. Пахнуло жарким дыханием Змия. Сжигая последние струи прохлады, возносился злой Дракон.

Толпа всколыхнулась.

Гул голосов пронесся над толпой.

Так отчетливо все стало кругом. Как будто, сдернутые невидимой рукой, упали ветхие личины.

Демонская злоба кипела окрест, в истоме и бреду. Свирепые сатанинские хари виднелись повсюду. Темные рты на тусклых лицах изрыгали грубые слова. Леша застонал. Рыжий черт, сверкая сухими глазами, зарычал на него:

- Попал сюда, так и терпи. Мы тебя не звали. Помнишь, сволочь сахарная. Начисто кишши выдавим.

Ярый Змий ярил людей.

Казалось, что солнце поднялось стремительно, и уже вдруг стало высокое и беспощадное.

И стало так жарко и душно, и такая жажда томила всех.

Кто-то рыдал.

Кто-то молил жалобно:

- Хоть бы водиночку с неба!

Катя икала.

Иногда показывались чьи-то странно и страшно знакомые лица. Как все лица в этой озверелой толпе, и они застыли в своем ужасном преображении.

На них было еще страшнее смотреть, чем на незнакомых, потому что озверение знакомого лица чувствовалось еще больше.

Леша почувствовал, что кто-то давит на его плечи. Так тяжко вдавливал в землю. В темную, жестокую землю.

Кто-то старался влезть.

Было несколько остро мучительных минут. Потом на краткий миг облегчение. Потом взлезший наверх наступил сапогом на Лешину голову. Леша услышал тихий Надин вскрик.

Кто-то темный и грузный пошел поверху в сторону, по плечам и головам, и странно колебался в воздухе.

Леша поднял голову вздохнуть воздухом высокого простора. Но было жарко в высоте.

Небо сияло ясное, торжественное, недостижимо высокое, нежно усеянное перламутрами перистых облаков на западной половине.

Море торжественного света изливалось от только что поднявшегося солнца. И солнце, было новое, яркое, величественное и свирепо-равнодушное. Равнодушное навсегда. И все его великолепие сверкало над гулом томления и бреда.

Кто-то тяжело топтался на Лешиных ногах.

Катя икала тяжело и мучительно.

- Да перестань! - хрюкнуло крикнул Леша.

Катя захохотала. Смех с икотой был странен и жалок. И уже над всей шириной поля носился тяжелый, непрерывный гул криков, стонов, визгов.

И тогда настали минуты взаимной бессмысленной злобы. Люди били друг друга, сколько позволяла теснота. Пинали друг друга ногами. Кусались. Хватали друг друга за горло, душили. Более слабых затискивали на землю и становились на них. Крики и стоны, мольбы, проклятия, все, что слышал Леша, он повторял безжизненным, задушенным голосом, и, как еще две

куклы, за ним лепетали то же обе сестры.

XIV

Мольбы и стоны вдруг стали тихи и дремотны.

Настали краткие и странные полчаса затишья, томления, усталости без конца, тихого, жуткого бреда.

Гул бреда носился над толпой, тихий гул, такой придавленный, такой жуткий.

И уже бред был разлит во всем, и у всех трех сквозь дым бреда едва теплилось страшное сознание гибели.

Обе сестры тяжело икали.

- Ангелочек божий! - взвизгнул кто-то близко.

Утренняя дремота полу задавленных в толпе людей прерывалась изредка дикими воплями отчаяния.

И опять становилось тихо, и жуткий гул носился над толпой, не подымаясь в ликующие просторы, к неподвижному злому Змию высот.

Кто-то икал мучительно. Казалось, что это мучительно умирает кто-то.

Леша вслушался и понял, что это икает Надя.

Леша с усилием повернулся к ней голову.

Надины посинелые губы открывались и закрывались странным, механическим движением. Глаза не глядели, и лицо приняло тусклый, мертвенный оттенок.

XV

Промчался томный срок затишья. И вдруг буря нелепых голов и воплей завыла над смятенной толпой. Дикие восклицания бичевали воздух.

Поискаженные злобой лицам видно было, что здесь уже не было людей. Дьяволы сорвали свои мгновенные маски и мучительно ликовали.

Несколько человек в толпе в эти минуты вдруг сошли с ума. Они выли, и ревели, и кричали что-то нелепое и ужасное.

Из-под ног людей часто вырывались предсмертные дикие вопли, - там, на земле, поваленные, сбитые с ног уже не могли подняться.

И эти вопли потрясли души немногих, еще оставшихся людьми в страшной толпе человекообразных дьяволов.

Стояли рядом оборванный хулиган и его подруга, развратная и пьяная. Они смотрели друг на друга и говорили злобные слова. Хулиган странно двигал плечом.

Усилием бешено злобы освободил руку. В руке сверкнул нож. В ярких лучах солнца таким острым смехом задрожала быстрая сталь.

в толпе. фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Нож вонзился в тело блудницы. Завизжала:

- Проклятый!

Захлебнулась своим визгом. Умерла.

Хулиган завопил. Нагнулся к ней. Грыз ее красную, толстую щеку.

- Нас задавили совсем, мы сейчас умрем, - хриплым голосом сказала Катя.

Леша углом глаза глянул на нее, как-то бессмысленно засмеялся и сказал громко и отчетливо:

- Надю задавили. Она холодная.

И крупные по его лицу катились слезы, а бледные губы бессмысленно улыбались.

Катя молчала. Лицо ее стало синеть и глаза потухли.

Леша задыхался.

Его ноги ступили на что-то мягкое. Резкая вонь поднималась с земли. Что-то, тяжело хрипя, ворочалось внизу.

- Воняет! - говорил сзади Леши странно равнодушный голос. - Бабу свалили, живот ей выдавили.

Посинелое Катино лицо странно, безжизненно поникло. Леше стало вдруг холодно.

XVI

- Шесть часов, - сказал кто-то.

По голосу было слышно, что говорит дюжий, спокойный человек, которому не страшно в толпе.

- Четыре часа еще жить, - ответил ему робкий, задыхающийся шепот.

- Чего ждать? - злобно рявкнул кто-то гулким голосом.

- Помрем все начисто, - спокойно и тихо ответил женский глубокий голос.

Кто-то отчаянно завопил срывающимся полудетским криком:

- Братцы, да неужто нам еще столько времени давиться! Взбудораженный гул метнулся по полю, как шумная стая пугливых, чернокрылых птиц. Метнулся, завыл, колыхнулся. И навстречу ему метнулась толпа.

- Пора, братцы! - орал чей-то визгливый голос. - Не зевай, черти лешие все себе заберут.

- Иди, иди! - гудело кругом.

Стремительно и тяжко двигалась уже вся толпа.

А на Лешу неподвижные смотрели склоненные лица сестер,

холодных и тяжелых на его плечах.

Разбившиеся волосы милых щекотали Лешины бледные щеки. Ноги не переступали. Толпа несла всех трех: и Лешу, и

сестер.

- Раздают! - закричал кто-то.

Видно было, и, казалось, недалеко, как летели в воздухе какие-то пестрые узелки.

В толпе. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru

- На шарап! - угрюмо хрюпел измученный, тощий мужик.
- Чего стали, идите! - неистово кричали задние передним.
- Наших не пускают, анафемы вперед лезут, а мы стой, годи! - свирепо орал кто-то.

И со всех сторон неслись бешеные крики:

- Братцы, вали напролом!
- Да что на него, лешего, смотреть, - за горло его хватай, да под ноги!
- Вали вперед, чего смотреть!
- Не дают, сами возьмем!
- О-ой, раздавили!
- Батюшки, кишки вон лезут!
- Подавись своими кишками, сволочь треклятая!
- Режь ее, стерву астраханскую!
- Давай, не задерживай! - ревел впереди свирепый голос.

XVII

Везде вокруг свирепые грозили, отчаянные лица.

Тяжелый поток. И все та же злоба...

Нож разрезал платье. И тело.

Завыла. Умерла.

Так страшно.

Безжизненно смотрят на него странно посинелые лица милых...

Кто-то хохочет. О чем?..

Близок конец. Вот уже стены сараев...

В поднятой высоко руке дюжего парня тускло светилась в золотом солнечном свете кружка. И рука была странно и ненатурально воздвигнута к небу, как живой шест.

Кто-то метнулся вверх головой. Выбил кружку, - так слабо держала ее посинелая от натуги рука.

Кружка падала медленно, грузно, описывая дугу. Скользнула по чьей-то спине.

Дюжий парень скверно выругался.

Он был красный, потный, и белки его глаз, вытаращенных от натуги, казались крупными.

Нагнулся за кружкой с большим усилием. Видно было, как двигаются его локти.

Вдруг он поник, глухо крикнул.

Кто-то повалился на его нагнутую спину. Повалился и зарычал. Барахтаясь, пополз вперед по спине упавшего. Еще кто-то сзади навалился на обоих животом. Все трое осели. Послышались глухие вопли. Верхний поднялся и казался очень высоким. Толпа слилась над поверженными, и по ее грузному оседанию можно было заметить, как прилили к земле двое задавленных.

в толпе. фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
дюжий мужик с покрасневшим до багровой синевы лицом, двигая локтями и плечами, высвободил правую руку и протянул ее вперед. Его сдавили. Рука странно моталась на чужом плече, красная возле красного платка.

Баба в красном платке повернулась, вцепилась зубами в руку дюжего мужика. Непонятна была ее злость.

Свирепо вопя, мужик вырвал руку. Отчаянно заработал локтями. Казалось, что он растет.

Его выверли вверх. Упал на чьи-то головы, и злобные под ним загудели голоса. Встал коленями на чьи-то плечи. Опять упал.

Падая, вставая, опять падая, становясь на четвереньки, он пробирался вперед, и толпа была под ним сплошной, неровной мостовой, тяжко движущимся глетчером.

И уже многие выталкивались локтями вверх.

Видно было несколько человек, неловко бегущих по плечам и головам к крышам буфетов.

И уже многие взбирались на крыши.

XVIII

две бабы сцепились. Молча, угрюмо. Одна залезла пальцами в рот другой и рвала ей рот. Видна была кровь. Послышался отчаянный визг.

Резались ножами, чтобы проложить дорогу, и убитых толкали под ноги. Иногда убийца падал на убитого, и оба никли под ногами множества свирепых дьяволов.

Многие упали в овраг. На них валились другие. В короткое время овраг был завален тяжко воящими, мучительно умирающими людьми. И дьяволы топтали их ногами, обутыми в тяжелые сапоги.

Рыжий парень перед Лешей давно уже лез вверх, отчаянно работая локтями, напирая на плечи соседей. Он кричал что-то невнятное и хрипло хохотал.

Сначала непонятно было, чего он хочет и что с ним делается. Вдруг он начал быстро подниматься и на короткое время закрыл перед Лешиными глазами все, что было впереди.

Нелепые крики его падали в тупую толпу сверху острыми, свистящими бичами, и странно было слушать нисходящий, казалось, с неба гнусный голос. И тогда слова его стали ясными.

И слова его были - кощунство, и хула, и скверная брань.

Потом он вдруг обрушился куда-то и ударил каблуком Лешу в лоб.

Но сейчас же начал подниматься. Стал на четвереньки. Вцепился в русую косу полу задавленной девушки. Встал на чьи-то плечи.

Он был красный, рыжий, хохотал, неровно шел вперед, по плечам и головам ступая без разбора тяжелыми сапогами.

Похожий на дьявола, медленно шел он над сжатой, тяжко ревущей толпой и скрывался вдали.

И опять казалось Леше, сквозь страшное томление, и тошноту, и багровый туман в глазах, что кто-то громадный, головой до неба, - и еще выше, человек или дьявол или человек-дьявол, идет по головам умирающих в задыхающейся толпе людей и вержет на них страшные богохульства.

Толпа впереди продавливала в узкие проходы между деревянными шалашами. Оттуда слышались вопли, визги, стоны. Мелькали шапки и клочки одежды, почему-то взлетавшие наверх.

В толпе. Фёдор Сологуб sologubfyodor.ru
Чья-то русая голова несколько раз стукнулась об острый угол балагана, поникла, пронеслась порывом вперед и вдруг исчезла.

Казалось, что между балаганами теснятся все более и более высокие люди. Странно было видеть головы наравне с крышей балагана. Шли по телам поверженных.

Из-за балаганов доносился торжествующий рев победителей. Мелькали какие-то пестрые лохмотья, - что-то перекидывалось по воздуху.

И вот Лешу и сестер втолкали в один из проходов между балаганами.

Здесь было нестерпимо тесно, - Леше казалось, что все его кости сломаны. И страшно отяготели на его плечах изломанные тела сестер.

Но кончился узкий проход.

За балаганом стало просторно, светло, радостно.

"Сейчас умру", - подумал Леша и счастливо засмеялся.

На мгновение Леша увидел чье-то красное, радостное лицо и человека, потрясавшего узелком над головой.

И упал.

Обе сестры свалились на него. Наполовину прикрыли его своими измятыми телами.

Леша еще слышал, как по нем бежали, дробно переступая по спине. Тяжко во всем теле отдавались свирепые удары дьявольских ног.

Чей-то каблук ступил на затылок.

Мгновенное было ощущение тошноты.

Смерть.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://sologubfyodor.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!